

ТРЕУГОЛЬНИК ВОЛАНДА

Глаз из книги,
выходящей в киевском
издательстве «Лыбидь».

В АПРЕЛЕ 1939 года Михаил Булгаков читал нескольким друзьям фактически уже законченный роман «Мастер и Маргарита».

Прочитав три главы, спросил: «Кто такой Воланд, как, по-вашему?» Слушатели замаялись. Елена Сергеевна, чтобы подбодрить их, предложила обменяться записочками и в своей написала: «Дьявол». Драматург А. М. Файко, увы, написал: «Я не знаю». В. Я. Виленин (тогда заместитель заведующего литературной частью МХАТа) угадал: «Сатана». Михаил Афанасьевич, — рассказывает в своих мемуарах В. Я. Виленин, — не утерпев, подошел ко мне сзади, пока я выводил своего «Сатану», и, заглянув в записку, погладил по голове.

Помнится, рассказ Виленина меня поразил: не узнать Воланда?

Я впервые читала роман в апреле 1963 года, у Елены Сергеевны Булгаковой дома, в ее квартире на Суворовском бульваре в Москве. В ту пору я весьма часто ездила в Москву, а приезжая, бывала у нее ежедневно.

В течение двух апрельских дней роман был мною прочитан — по свежесверенной, только что отпечатанной на белейшей лощеной бумаге копии. С утра до вечера, не поднимая головы, — первая часть. Назавтра — так же не отрываясь — вторая. Кажется, в каком-то месте (может быть, после третьей главы?) Елена Сергеевна спросила, поняла ли я, кто такой Воланд. Кажется, я отмахнулась — кивком головы, движением руки... Ах, не мешайте! Не узнавать Воланда!..

На улице было темно. В мокром асфальте отражались бегущие огни автомобилей. Кружилась голова, почва уходила из-под ног, и, как Степе Лиходееву, казалось, что сейчас полетишь головой вниз к чертовой матери в преисподнюю. Но роман был пронизан светом. И почему-то особенно волновало в нем описание гроз, естественных и чудовищных весенних гроз, каждый год пронесшихся над Москвой, как тысячи лет пронеслись они над тысячами других городов, — гроз, из которых, должно быть, и родился Воланд...

Так почему же я — через много лет, читая глазами, — так хорошо понимала автора, а друзья, слушавшие то же из его собственных уст, смущенно решали вопрос, кто такой Воланд? «Отвечать прямо никто не решался, — замечает Виленин, — это казалось рискованным». Теперь, склоняясь над рукописью в архиве, вижу: слушали они отнюдь не «то же».

В первый и единственный раз Булгаков продиктовал роман «на машинку», полностью, в мае — июне 1938 года, а потом до конца дней, силами, писал.

Во второй половине 1939 года, когда Булгаков уже чаще диктует, чем пишет, он снова возвращается к первой странице...

Окончательно? Нет. Заведена новая тетрадь. Елена Сергеевна помечает на ее первой странице: «Писано мною под диктовку М. А. во время его болезни 1939 года. Окончательный текст. Начато 4 октября 1939 года. Елена Булгакова». И снова диктуются первые строки:

«Однажды весной, в час несбылого жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина. Первый из них, одетый в летнюю серенькую пару, был маленького роста, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе. Второй — плечистый, рыжеватый, вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке — был в ковбойке, жеванных белых брюках и в черных тапочках».

Что произошло? Те же Патриаршие пруды. Те же двое. Но слово «сверхъестественных» теперь настойчиво переходит из правки в правку, чтобы остаться в этих строках навсегда. И вслушайтесь, как начинает шуршать слог «чёр»... «Черная» роговая оправка... «Черные» тапочки Ивана... Тут же дважды чертятся Берлиоз — непосредственно перед появлением клетчатого и сразу же после... Мы узнаем, что Бездомный «очертил» главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень «черными» красками. Ненавязчиво, почти скрыто и все-таки трижды мелькнет эпитет «черный» в портрете Воланда. А затем раз и другой чертятся Бездомный. Воланд взглянет на небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, «бесшумно чертили черные птицы»... Стрижи, — проводив взгляд Воланда, отметит читатель. Вороны, — уточнит тот, кто знаком с рукописями романа и каждый услышит: «чертили... черные...»

Итак, писателю нужно было, чтобы читатель узнал Воланда. Не расшифровал, не вычислил, а догадался. («...Подошел ко мне сзади, пока я выводил своего «Сатану», и, заглянув в записку, погладил по голове»). Он ищет путь не к логике — к интуиции читателя, что-то нашептывает ему, намекает, посмеивается.

Это узнавание для Булгакова так важно, что на каком-то этапе работы он попробовал даже заменить название первой главы. В ранних редакциях (по крайней мере с 1932 года) она называлась так же, как и в окончательном тексте, загадочно и насмешливо: «Никогда не разговаривайте с неизвестными». В машинописи возникает название «Кто он?» Исправлено: «Кто он такой?» — тот же вопрос, что был задан слушателям в апреле 1939 года.

Дело в том, что в романе (и это художественное решение выкристаллизовалось у автора не сразу, очень не сразу) сатирические персонажи, как правило, Воланда не узнают. В романе его узнают только двое — мастер и Маргарита. Узнают еще до того, как видят его, независимо друг от друга и так согласно друг с другом: «Лишь только вы начали его описывать... я уже стал догадываться...» — произносит Коровьев. — Вы женщина весьма умная и, конечно, уже догадались о том, кто наш хозяин». Сердце Маргариты стукнуло, и она кивнула головой.

И Воланда должен узнать читатель, союзник автора.

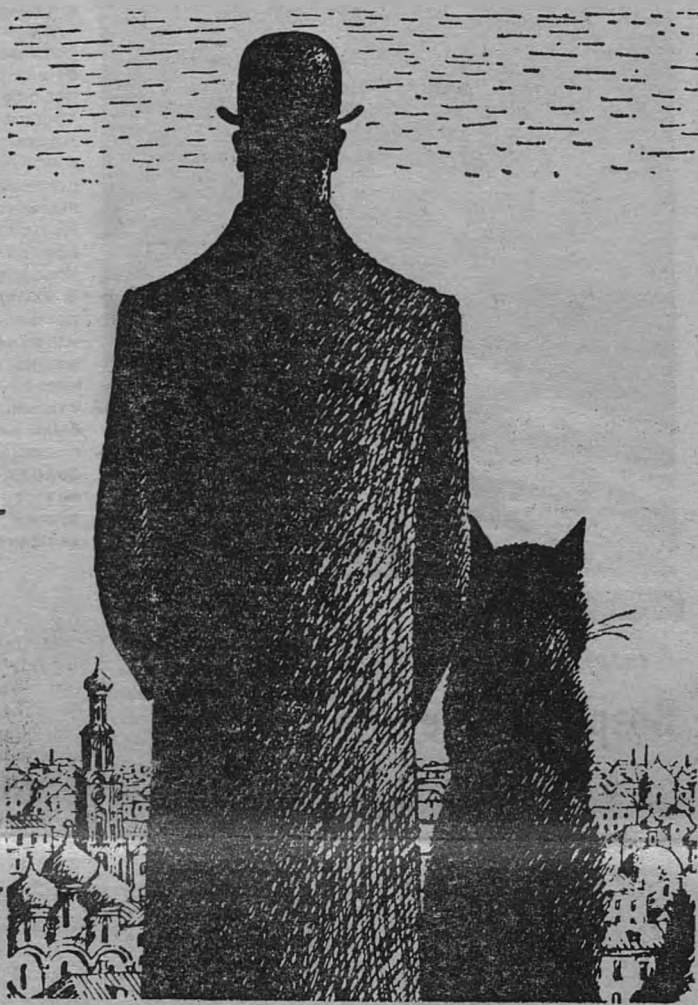
Но Воланд и не скрывает, кто он такой. Вели-

кий насмешник — я назвала бы его богом сатиры, если бы он не был дьяволом; ну, скажем так: дьявол беспощадной сатиры — он с первых страниц затевает с всезнающей Берлиозом жестокие игры в «узнавание — неузнавание».

В его облике, повадках, речи то и дело вспыхивают блики мучительно знакомых примет... Лихо заломленный на ухо берет. Пера, правда, нет... Набалдашник трости в виде головы пуделя... Он садится — в позу, напоминающую скульптуру Антокольского «Мефистофель» («...чему-то снисходительно усмехнулся, прищурился, руки положил на набалдашник, а подбородок на руки»)... И когда Берлиоз, безуспешно пытающийся постичь истину, тревожно произносит про себя: «Он не иностранец... он не иностранец... он престанный субъект... не позволяйте, кто же он такой?» — тот вдруг демонстративно разыгрывает сцену с папиросами — почти по «Фаусту» Гете.

Помните сцену «Погреб Ауэрбаха в Лейпци-

К столетию со дня рождения автора романа «Мастер и Маргарита»

ге? Мефистофель: «Какого же вина вам выпить любоб?» Фрош: «Как вас познать? Ваш выбор так велик?»

Воланд проигрывает это так:

«— Вы хотите курить, как я вижу? — неожиданно обратился к Бездомному неизвестный. — Вы какие предпочитаете?»

— А у вас разные, что ли, есть? — мрачно спросил поэт, у которого папиросы кончились.

— Какие предпочитаете? — повторил неизвестный.

— Ну, «Нашу марку», — злобно ответил Бездомный.

Незнакомец немедленно вытащил из кармана портсигар и предложил его Бездомному: — «Наша марка».

И тут же издевательски-открыто предъявляет Ивану и Берлиозу свой знак — треугольник на крышке золотого портсигара: «И редактора и поэта не столько поразило то, что нашлась в портсигаре именно «Наша марка», сколько сам портсигар. Он был громадных размеров, червонного золота, и на крышке его при открывании сверкнул синим и белым огнем бриллиантовый треугольник».

Теперь его нельзя не узнать. Читатель уже узнал его! Но Иван и Берлиоз не узнают его и теперь.

Через несколько десятков страниц, а по сюжету на следующее утро, почти та же сцена проигрывается со Степой Лиходеевым.

На этот раз дьявольский знак предъявлен сразу: «Незнакомец дружески-любовно усмехнулся, вынул большие золотые часы с алмазным треугольником на крышке, прозвонил одиннадцать раз и сказал...» А затем пародируется и Мефистофель, на этот раз оперный: «Одиннадцать! Вот и я!»

Но ни оперная фраза «Вот и я!», ни inferнальный треугольник ничего не говорят Степе. «Степа нащупал на стуле рядом с кроватью брюки, шепнул:

— Извините... — надел их и хрипло спросил: — Скажите, пожалуйста, вашу фамилию?»

Но что же за треугольник предъявляет Воланд Берлиозу, а потом Степе?

На крышке дорогого портсигара, на крышке золотых часов ставилась монограмма владельца. Монограмма Воланда? Треугольник?

В литературе о Булгакове первая попытка объяснить этот знак была сделана профессором И. Ф. Белоз. Он считает, что это «Всевидающее око», по его выражению, «первая ипостась Троицы», то есть символ бога.

Символ бога, по которому нельзя не узнать

дьявола? Никак не откажешь в смелости этому парадоксу исследователя, но уж очень он не согласуется с расстановкой, так сказать, света и тени в романе «Мастер и Маргарита». («Кажется ведомство, — говорит Воланд, — должно заниматься своими делами. Не спорю, наши возможности довольно велики...»).

Кроме того, Воланд в романе не является носителем изначального, божественного всеведения. Правда, для него нет тайн, он может узнать все, что ему угодно, это требует крайне малого, хотя бы и символического усилия. Но все-таки требует. «Вы когда умрете?» — любезно спрашивает он у буфетчика. «Это никому не известно и никого не касается», — возмущенно отвечает буфетчик. «...Подумаешь, бином Ньютона! — раздается дрянной голос Коровьева. — Умрет он через девять месяцев, в феврале будущего года...» Или далее, в разговоре с мастером: «А скажите, почему Маргарита вас называет мастером?.. О чем роман?.. О чем, о чем? О ком? — заговорил Воланд, перестав смеяться. — Вот теперь?.. Дай те-ка посмотреть...»

К тому же «всевидающее око» изображается не совсем так. Схема этого символа не просто треугольник, но глаз в треугольнике. В «Толковом словаре» Вл. Даля: «Всевидающее око, промысел божий, всеведение, изображаемое оком в лучах среди треугольника».

Однажды, просматривая «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, к которому так часто обращался Булгаков, я раскрыла его на статье «Дьявол» и вдруг испугалась что-то вроде мгновенного головокружения: статья пестрела этими самыми треугольниками. Маленькие, приблизительно равнобедренные, они роились густо, как звезды в ночном небе; они были в каждой строке; потом слились в один, большой, он лез из страницы, заслонял текст... Я закрыла книгу, поставила ее на полку и осторожно затворила обе дверцы библиотечного шкафа.

Я узнала треугольник. Это была греческая буква — дельта большая, первая буква слова «Дьявол». Инициал Воланда. На портсигаре действительно была его монограмма.

Не исключено, что каким-то подобным образом этот знак поразили Булгакова при просмотре энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Все приведенные выше наименования дьявола (и по-гречески, с дельтой малой, и по-русски) Булгаков выписал именно отсюда, из двух, размещенных одна за другою статей о дьяволе.

Он искал инициал Воланда — единственный, бесспорный, одновременно ясный и ускользающий. За несколько месяцев до того, как рука его начертала в тетради треугольник, Воланд имел другой инициал и портсигар описывался так: «...сколько сам портсигар. Он был громадных размеров, червонного золота, и на крышке его дважды сверкнула на мгновение синим и белым огнем бриллиантовая буква F». Это F Булгаков тогда же попробовал перенести и на документы Воланда: «Пока иностранец совал их Крицкому, поэт успел разглядеть на карточке слово «professor» и начальную букву фамилии, опять так: F» (Четвертая редакция романа. Крицким здесь именовался Берлиоз).

F — первая буква слова Faland, что по-немецки означает «черт». В романе «Мастер и Маргарита» читатель встретит это слово в главе 17-й: «А может быть, и не Воланд? Может быть, и не Воланд. Может быть, Фаланд».

Это слово Булгаков нашел, полагаю, не в словарях (его познания в немецком языке были не очень велики), а в примечаниях к «Фаусту» Гете. «Воланд, — говорилось в примечаниях, — было одно из имен черта. Основное слово «Faland» (что значило обманщик, лукавый) употреблялось уже старинными писателями в смысле черта».

Если бы Булгаков писал роман «криптограмму», рассчитанный на «посвященных», ему бы следовало сохранить это F. (Редкое издание «Фауста» в переводе Соколовского и не известное большинству читателей слово «Фаланд» как раз «посвященными», «булгаковедами» были распознаны очень быстро).

Но писатель, ведя свою доверительную и насмешливую игру с читателем, все-таки находит другой знак.

Кому же не известна греческая буква дельта большая? Монограмма Воланда...

Как на ладони...

Рисунок
С. Алимона.

7